

УДК 340.111

DOI: 10.17223/22253513/22/2

К.А. Орлов

ПРЕДМЕТ ОБМЕНА ОБЯЗАННОСТЕЙ СУБЪЕКТОВ ПРАВОВОЙ ЖИЗНИ

В научной статье дается характеристика такого содержательного элемента категории «правовая жизнь», как предмет обмена обязанностей субъектов правовой жизни. На примере подразделения правовой жизни на индивидуальную, групповую, общественную и международную осуществляется анализ предмета обмена возникающих обязанностей применительно к каждой из заявленных форм.

Ключевые слова: правовая жизнь, индивидуальная правовая жизнь, групповая правовая жизнь, общественная правовая жизнь, предмет обмена обязанностей субъектов правовой жизни.

В последнее время в российской правовой науке достаточно часто можно встретить использование такой категории, как правовая жизнь. Основная дискуссия, существующая в научной среде относительно данного явления, затрагивает содержательную сторону и в основном касается качественной характеристики входящих в неё компонентов.

Некоторые ученые относят к её содержанию исключительно позитивные элементы, среди которых выделяют: юридические понятия и термины, государство и его механизм, форму государства, признаки и определение права, механизм правового регулирования, норму права, юридические источники (формы) права, правовые акты, нормативные правовые акты, правоотношения, правотворчество и систематизацию законодательства, систему права, реализацию права, толкование права, законность и правопорядок, систему источников права, механизм и результат действия права и иные.

Другие исследователи, которых большая часть, в свою очередь, полагают, что правовая жизнь – более объемная категория, поскольку включает в себя явления не только позитивного характера, но и негативного, среди которых выделяют: правонарушение, преступление, злоупотребление правом, деформацию профессионального правосознания, псевдоформы, формализм, коррупционность, превращение государственного аппарата из полномочного в инструмент произвола чиновников, превращение собственности в юридическую фикцию, рост «артефактных» форм организации государственной жизни, смешение типов и отраслей права, отождествление государственного интереса с общественным, возрастание радикальных, псевдоправовых средств решения глобальных проблем, политизацию права и ряд других.

В существующих научных разработках, касающихся категории «правовая жизнь», в качестве основных критериев, которые позволяют отграничить её от смежных правовых категорий, выделяют общественные отношения, методы, режимы и обмен обязанностями.

Последнее, по мнению В.П. Малахова и Н.Д. Эриашвили [1. С. 431], является одним из ключевых элементов, который позволяет ограничить данную категорию от других и раскрыть её содержательную сторону.

В зависимости от характера и общности субъектов, включенных в правовую жизнь, она может быть представлена индивидуальной, групповой и общественной формой.

В рамках каждой из них правовая жизнь представлена своими особенностями и чертами, которые позволяют подчеркнуть их индивидуальность. Вместе с тем данные формы неразрывно связаны друг с другом, образуя специфические связи, которые дают еще более полную характеристику правовой жизни в целом.

В качестве универсального критерия, который позволяет ограничить категорию правовой жизни от иных правовых явлений, можно выделить обмен прав и обязанностей. Придерживаясь его в качестве основного средства дифференциации, а также учитывая сложившиеся теоретические разработки в данной сфере, можно выделить дополнительные признаки, которые позволят полнее охарактеризовать каждую из заявленных форм.

Такими идентификаторами могут являться: субъекты обмена, предметы обмена, степень конкретности обмена.

Одним из критерииев, который позволяет полнее дать характеристику заявленных в науке форм правовой жизни (индивидуальной, групповой, общественной и международной), является *предмет обмена*, под которым понимается процесс взаимной передачи принадлежащих субъектам прав и обязанностей.

В рамках осуществления индивидуальной правовой жизни возникают различного рода обязательства, которые всецело отражают интересы и потребности конкретных индивидов.

Алгоритм обмена сводится к следующим составляющим.

Человек обладает естественными потребностями и притязаниями, которые при помощи позитивного права получают свое закрепление в виде формально закрепленных, гарантированных государством правомочий. Далее, в зависимости от интересов и побуждений, индивид вступает в различные процессы, в которых он может претворить в жизнь свои притязания. Данный процесс именуется обязательством, в рамках которого у него происходит возникновение прав и обязанностей, определенных действующим законодательством.

Одним из примеров, который описывает воплощение данного алгоритма в жизнь и подтверждает процесс обмена прав и обязанностей, может служить договор розничной купли-продажи.

Изначально всем дееспособным физическим и юридическим лицам принадлежат естественные притязания в виде правомочий по владению, пользованию или распоряжению имуществом (для собственника), либо возможности по приобретению данных правомочий (для иных лиц). При обоюдном желании и волеизъявлении данных субъектов между ними может возникнуть связь в виде обязательства по взаимовыгодному обмену принадлежащих им правомочий как конкретного обязательства, которое обозначено в законе «розничной куплей-продажей» (ст. 492 Гражданского кодекса РФ).

В связи с возникновением данного обязательства у каждой из сторон формируется совокупность прав и обязанностей для полноценного и взаимо-выгодного удовлетворения их интересов.

Данные права и обязанности представляют собой закономерный итог в заявлении алгоритме, становясь основным предметом обмена в индивидуальной форме правовой жизни.

Аналогичное значение *предмет обмена имеет в групповой форме правовой жизни*, но со своими специфическими особенностями. Представители социальных групп, в отличие от индивидов, характеризуются наличием у них социальных ролей.

Социальная роль – это обусловленная требованиями общества модель поведения личности, направленная на выполнение принадлежащих ей прав и обязанностей.

Согласно существующим исследованиям в области социологии любая организация общества или группы предполагает наличие совокупности различающихся ролей. В частности, Питер Бергер полагает, что «общество представляет собой сеть социальных ролей» [2. С. 56].

В отличие от индивидуальной формы правовой жизни, где их участникам принадлежат индивидуальные субъективные права и обязанности, зачастую и не связанные с их социальным статусом, отношения субъектов групповой жизни обусловлены именно их социальными ролями. Вступая между собой в правовые отношения, данные участники заранее осведомлены об особенностях предмета обмена. Сформировавшиеся требования, связанные с их социальной ролью, как правило, более или менее известны участникам ролевого взаимодействия, поэтому порождают определенные ролевые намерения. Все участники ожидают друг от друга поведения, вписывающегося в контекст данных социальных ролей. Благодаря этому социальное поведение людей становится в значительной степени предсказуемым, а иногда даже стереотипным.

Социальная роль судьи заключается в том, что он является служителем закона и правосудия, в связи с этим он воспринимается гражданами как олицетворение справедливости, ответственности, беспристрастности и гуманизма. Данная роль проявляется в совокупности прав и обязанностей, принадлежащих судье как участнику правовых отношений. Круг полномочий судьи согласно действующему законодательству весьма широк, что обусловлено его высоким статусом и значением в деятельности государственных органов. Более того, Закон РФ от 26 июня 1992 г. № 3132-И «О статусе судей в Российской Федерации» предъявляет требования не только к его профессиональным качествам, но и затрагивает частично его личные. В частности, судья при исполнении своих полномочий, а также во внеслужебных отношениях должен избегать всего, что могло бы умалить авторитет судебной власти, достоинство судьи или вызвать сомнение в его объективности, справедливости и беспристрастности [3].

Но тем не менее при осуществлении правосудия судья воспринимается именно как служитель правосудия со своим набором прав и обязанностей, они и формируют его социальную роль, которая очевидна иным участникам судебного процесса. Каким бы судья ни был человеком (добрый или злый,

хорошим или плохим, эмоциональным или сдержанным), он должен быть прежде всего квалифицированным специалистом, поскольку лица, вовлеченные в рассмотрение конкретного дела, воспринимают его как служителя закона и ожидают от него соответствующего поведения. А это и является предметом обмена в рамках групповой формы правовой жизни.

Содержание социальных ролей субъектов групповой формы правовой жизни не сводится к механическому и топорному осуществлению прав и выполнению обязанностей, оно предполагает и определенную свободу субъектов, выраженную в виде различных альтернатив своего поведения.

При осуществлении правосудия участники процесса должны стоя давать свои показания, но судья по своему усмотрению может позволить им это делать, не вставая со своих мест. Аналогичная свобода усмотрения существует у служителя системы правосудия при вынесении решения, поскольку закон закрепляет лишь основные требования к этому акту, а его содержательное наполнение и окончательный итог (конкретный срок наказания или сумма штрафа) зависит от индивидуального подхода судьи к конкретной ситуации.

Более того, в некоторых ситуациях проявление инициативы может быть обусловлено не только усмотрением обладателя определенной социальной роли, но и обоснованным риском. Это происходит тогда, когда субъект, осуществляя повседневное выполнение своих служебных обязанностей, совершает рискованный поступок, например, спасает жизнь другого человека. Это объясняется многообразием социальных ролей, которые свойственны субъектам правовой жизни. Положение человека, выполняющего только заданный алгоритм в рамках своей роли, всегда патологично и предполагает, что он живет в условиях полной изоляции от иных общественных связей (заключенный в исправительном учреждении).

Жизнь общества куда более многообразна, в том числе и правовая жизнь. В рассматриваемом примере с судьей можно выделить его роль как участника судебного, гражданского или административного судопроизводства, его роль как руководителя для помощника судьи и секретаря судебного заседания, роль подчиненного перед председателем суда, а также роль как участника иных общественно-правовых связей, например, водителя или пешехода в области дорожного движения. В рамках каждой из представленных ролей он будет обладать разными по количественному составу правами и обязанностями, а также по их качественному обмену с иными субъектами правовой жизни. Предмет обмена в каждой ситуации по обмену социальных ролей будет представлен индивидуально.

Данная индивидуальность в очередной раз подчеркивает специфический характер социальных ролей участников групповой правовой жизни, в отличие от индивидуальной и общественной форм её проявления. Она проявляется прежде всего в том, что конкретная социальная роль действительна или тождественна по отношению к тем, кто занимает определенный социальный статус. Судья, требующий от подсудимого встать и объяснить свою позицию по рассматриваемому делу, воспринимается вполне адекватно, и подсудимый выполняет его требование. Если же судья озвучивает то же самое требование от своего супруга, продавца в магазине или от пешехода, то его вряд ли воспримут должным образом и отреагируют ожидаемым для него поведением.

Другой вопрос заключается в том, что социальные роли некоторых участников юридической жизни воспринимаются с позиции устоявшихся стереотипов, которые не всегда имеют положительный характер. Если «образ судьи» в нашем обществе оценивается в целом позитивно, то «образ полицейского», «образ чиновника» колеблется от относительно позитивного до крайне негативного. И, к сожалению, данные стереотипы оказывают влияние на существующий предмет обмена. Субъекты, вступающие в процесс обмена прав и обязанностей с представителями бюрократического аппарата, отличаются сформировавшейся установкой на выстраивание своего поведения. Безусловно, это не должно влиять на результат обмена прав и обязанностей, но самым непосредственным образом отражается на качественной характеристике формирующегося отношения, которое имеет негативный оттенок и влияет на авторитет государственной власти.

Предмет обмена в общественной правовой жизни составляет совокупность правомочий и долженствований, сформированных в виде конкретных позитивных норм, запретов, дозволений и обязываний, которые общество должно выполнять в установленном порядке. В самом общем виде и в идеале это должен быть взаимообусловленный обмен требованиями, которые предъявляют друг другу общество и государство, своего рода взаимовыгодное сотрудничество, которое удовлетворяет интересы обеих сторон.

В данном контексте целесообразно вспомнить сформировавшуюся в эпоху просвещения теорию общественного договора, основоположниками которой являются Джон Локк, Томас Гоббс и Жан-Жак Руссо. Согласно их исследованиям, к основным признакам общественного договора можно отнести:

- идею всеобщего равенства;
- наличие у граждан прав, свобод и возможность их реализации;
- сознательный отказ от части своих прав и свобод в ответ на обеспечение порядка и стабильности в обществе;
- наличие у граждан возможности оказывать влияние на управление делами государства;
- реальную возможность ограничения деятельности государства, если оно выходит за рамки договора.

Эти теоретические положения составляют модель идеального сосуществования и конструктивного взаимодействия общества и государства, причем ключевой аспект заключается в том, что это именно идеал, которого крайне редко удается достичь. Особенно актуально данное положение для многих современных государств, где если и существовали какие-то наработки в этой сфере, то они претерпели весьма существенное искажение.

Те государства, которые взяли на себя обязательства по заключенному с гражданами общественному договору и следовали его положениям в течение какого-то периода, в условиях современной действительности допускают отклонение от его классических и идеальных положений. В основном данные трансформации сводятся к следующим аспектам:

- граждане в современных обществах в большей мере представляют категорию управляемых, нежели равных по своему статусу и отношению к государству;

- реализация и гарантия прав и свобод граждан носят в основном декларативный характер;
- недоверие власти;
- неуверенность граждан в реализации своих прав и свобод, а также безынициативность к процессам правовой жизни;
- ограничение способности воздействия на власть либо ответственность за любые формы проявления такой активности.

По своей сути предметом обмена в общественной форме правовой жизни является совокупность требований в виде запретов, обязываний и небольшого количества прав, которые сформировала власть к своим подчиненным в обмен на мнимую безопасность и весьма иллюзорное развитие.

В данном плане справедливо утверждение, что современная модификация общественного договора практически лишила общество рычагов воздействия на власть. Общественный договор мог бы стать одним из средств «уравнения» граждан и государства; он не только позволил бы людям создать институт государственной власти, но и предоставил необходимые рычаги контроля над ними. Государство не просто бы управляло людьми, но и обладало по отношению к ним рядом обязательств [4. С. 23].

Еще одной разновидностью формы правовой жизни является *международная форма, которая имеет свой специфический предмет обмена*, заключающийся в том, что обмен происходит между различными правовыми системами (государствами, народами, нациями, обществами, странами) и касается достижений в сфере права.

История международных правовых учений предлагает различные варианты определений обобщающей категории – международное право, охватывающее различные правовые явления и возникающие в связи с этим отношения на международном (межгосударственном) уровне. Среди них можно выделить:

- «право народов» – «внешнее государственное право» (Гегель);
- «межсуверенное право» (Таубе);
- «право государств» (Кант);
- «международное право» (И. Бентам);
- «межгосударственное право» (Н.Н. Коркунов, Г. Еллинек);
- «транснациональное право» (Ф. Джессеп);
- «мировое право» (Г.Дж. Берман);
- «глобальное право» (Г. Тойбнер);
- «конгломерат правовых систем» (В.М. Корецкий) [5].

Чуть меньшим многообразием мнений отличаются сформировавшиеся в науке подходы относительно характера происхождения международного права как категории, включающей в себя систему принципов и норм, регламентирующих деятельность различных государств и народностей, а также определяющих их права и обязанности. Анализ данных концепций позволяет подробнее рассмотреть международное право как систему норм и как отдельную правовую категорию, а также акцентировать внимание на формирующемся предмете обмена, определяющем международную форму правовой жизни.

При взаимодействии государства в первую очередь руководствуются сформировавшимися ценностями и интересами, выраженными в виде вполне конкретного волеизъявления.

Различие направлений в данном контексте осуществляется по линии разработанного в сфере права так называемого волонтаристского подхода, в основе которого лежит воля и волеизъявление субъекта международной формы правовой жизни.

Дифференциация существующих разработок в данной сфере позволяет детальнее и полнее выявить мотивы волеизъявления субъектов международного права.

В первую очередь вызывают интерес исследования Георга Еллинека (Georg Jellinek), который является основоположником теории самоограничения. Согласно её положениям государство участвует в создании международного права, его формировании, ограничивая свой собственный суверенитет. Воля государства направлена на то, чтобы посредством взаимодействия с другими государствами найти оптимальные пути дальнейшего конструктивного развития. Происходит диалог, в результате которого государство во имя каких-то общих интересов ограничивает свой собственный.

Следующим ученым, предложившим альтернативную точку зрения, является Генрих Трипель (Heinrich Triepel), представитель теории «слияния воль» («Vereinbarung»). Согласно данной концепции межгосударственные соглашения – это единственный источник международного права, возникающего из соединения государственной воли одного субъекта (государства) и общей (свойственной нескольким государствам).

Исследователь проводит дифференциацию таких категорий, как «слияние воль» («Vereinbarung») и «соглашение», «согласие воль» («Vertrag»), где основное ключевое значение приобретает процесс изъявления и выражения воли, присущей заинтересованной стороне (отдельному государству).

Для международных договоров типа Vertrag («соглашение», «согласие воль») имеет место компромисс, так как цели сторон, участвующих в договоре, разные. Каждая из сторон пытается сохранить свой собственный интерес в максимально первоначальном виде, сохранить неизменными те устремления, которые отражают их суверенитет и волю. Это по своей сути паритетное соглашение, в рамках которого каждый из участников придерживается выбранной позиции. Есть лишь формально закрепленные общие правила, выражающие их волеизъявление, но при этом каждая из сторон не стремится данную волю выполнять или ее ограничивать в пользу общего блага.

Такие международные договоры, по мнению Генриха Трипеля, не являются источниками международного права.

Иное значение имеет «слияние воль», или «Vereinbarung» [6. С. 145], что, по утверждению Трипеля, является нормоустановительным договором его участников. Их объединяет одинаковый интерес, цель у них существует одноковая или схожая система ценностей, которой они хотят поделиться с другим участником международных отношений и, объединившись, преумножить её, сделав общей.

Ещё одна позиция принадлежит Дионисию Анцилотти (Anzilotti), представителю позитивистской школы права. Согласно его взглядам, междуна-

родные соглашения как предмет обмена интереса и волеизъявления субъектов международного права становятся обязательны в силу правила «*practa sunt servanda*» («договоры нужно соблюдать», «договоры должны соблюдаться») с того момента, когда государства выразили определенным образом свою волю быть связанными такими соглашениями. Международное и внутригосударственное право при таком подходе представляют собой отдельные системы и по своей сути служат разным интересам [7].

Данные подходы в полной мере отражают сложившуюся специфику отношений, складывающихся в сфере международных отношений в современном мире. Происходящие процессы глобализации оказывают влияние на большее количество государств, причем степень влияния (как положительного, так и отрицательного) с каждым годом становится серьезнее и ощутимее. Как правильно утверждает И.И. Лукашук: «Глобализация – двусторонний процесс. Она способна дать изобилие, повысить продуктивность, эффективность производства. С другой стороны, она углубляет неравенство, затрудняет приспособление к новым условиям, уменьшает разнообразие, снижает роль государства и повышает роль корпораций в регулировании глобальных процессов» [8. С. 12].

Эволюция современных развитых и развивающихся государств осуществляется таким образом, что она уже не представляется возможной без влияния глобальных процессов на социальный, политический, культурный и, безусловно, экономический уклад отдельных наций, по сути трансформируя его в транснациональный. Этот объективный процесс носит системный характер и охватывает все сферы жизни общества.

В результате глобализации мир становится более связанным и более зависимым от всех субъектов, участвующих в его развитии. Происходит как увеличение количества общих для группы государств проблем, так и расширение числа и типов интегрирующихся субъектов [9].

Существуют точки зрения, что дальнейшее развитие данных процессов может привести к стиранию границ между международным и внутригосударственным правом и в перспективе нас ждет создание новой модели права – мировой глобальной правовой системы [10. С. 86–87]. Однако некоторыми учеными высказывается обоснованное мнение, что время для всеобщей унификации права еще не пришло и только между странами, связанными общими традициями и культурой, возможно достижение договоренности.

Анализ концепций, по-разному трактующих природу возникновения международного права, а также учет процессов глобализации подтверждают тот факт, что предметом обмена в международной форме правовой жизни являются интересы и ценности конкретного государства, выраженные в его волеизъявлении.

Вступать или не вступать в различные международные содружества, альянсы или союзы зависит всецело от интереса конкретного государства и, безусловно, должно учитывать их традиции во всех сферах общества. Но современный мир, впрочем как и раньше, достаточно циничен, и он вынуждает принимать сложившиеся правила, адаптировать их к условиям той или иной самобытности, зачастую вообще её не учитывая. Причины данных явлений могут быть обусловлены как объективным развитием человеческого прогрес-

са, так и целенаправленным воздействием заинтересованных сторон. Это все приводит к потере идентичности и уникальности конкретных стран, народов, государств. В данных условиях важно попытаться сохранить баланс интересов и направить процесс именно на конструктивный обмен достижениями посредством диалога, а не воздействия и подавления.

Рассмотрение данного материала позволяет полнее и содержательнее охарактеризовать категорию правовой жизни как самостоятельного правового явления, имеющего свое обоснованное значение в системе юридического знания.

Подобное рассмотрение составляющих элементов, входящих в содержание данной правовой категории имеет не только теоретическое значение, заключающееся в приращении знания, но также способствует наиболее разумной, эффективной, грамотной и целесообразной практической деятельности по реализации права во всех формах его проявления: использования субъективных прав, соблюдения правовых запретов, исполнения юридических обязанностей, а также применения права должностными лицам государственных органов.

Литература

1. Малахов В.П., Эриашвили Н.Д. Методологические и мировоззренческие проблемы современной юридической теории. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2011. 431 с.
2. Бергер П. Приглашение в социологию: гуманистическая перспектива. М.: Аспект Пресс, 1996. 168 с.
3. Закон РФ от 26 июня 1992 г. № 3132-И «О статусе судей в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL:<http://www.consultant.ru/>
4. Горюхов П.А., Вялых В.В. Современные модификации общественного договора // Теория и практика общественного развития. 2013. № 11.
5. Мережко А.А. История международно-правовых учений. К.: Таксон, 2006. 492 с.
6. Лукашук И.И. Международное право: Общая часть. М.: Волтерс Клювер, 2005. 432 с.
7. Каракуян Э.А. Теория и история науки международного права: обзор предметно-методологических оснований // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н.И. Лобачевского. 2011. № 4 (1). С. 256–264.
8. Лукашук И.И. Глобализация, государство, право, XXI в. М.: Спарт, 2000. 279 с.
9. Гринин Л.Е. Глобализация и национальный суверенитет // История и современность. 2005. № 1. С. 6–31.
10. Кочетов Э.Г. Глобалистика. Теория, методология, практика. М., 2003. 672 с.

Orlov Cyril A. Ural juridical Institute of the Ministry of internal Affairs of Russia (Yekaterinburg, Russian Federation)

THE OBJECT OF THE EXCHANGE OF DUTIES BETWEEN LEGAL LIFE SUBJECTS

Key words: legal life, individual legal life, group legal life, public legal life, object of the exchange of duties between legal life subjects.

Nowadays, jurists develop and propose new categories which reflect the evolutional process in the sphere of legal science. Being one of such categories, legal life was mentioned in the works of prerevolutionary Russian scientists and is fully considered at a modern stage of development.

The article deals with the separate elements of legal life and their analysis that enables us to form a comprehensive perception of the given legal category and characterize it as a separate legal phenomenon.

The author separates the exchange of duties between the participants of relations as a universal criterion which enables us to differentiate legal, economic, social and political life. Moreover, the

author gives a detailed analysis of a separate element of such an exchange - the object of the exchange of duties between legal life subjects. The element deals with such manifestations of legal life as individual, group, public and international forms.

A detailed consideration of the constituent elements of legal life has not only a theoretical significance but promotes a more sensible, effective, competent and purposeful activity when realizing the right in all its forms. This fact is supported by the provision that citizens, legal entities and officials in state bodies are the subjects involved in legal life and they develop a pattern for the creation of law, its realization and application in modern Russian society.

References

1. Malakhov, V.P. (2012) *Metodologicheskie i mirovozzrencheskie problemy sovremennoy yuridicheskoy teorii* [The methodological and philosophical problems of modern legal theory]. Moscow: YuNITI-DANA: Zakon i pravo.
2. Berger, P. (1996) *Priglashenie v sotsiologiyu: gumanisticheskaya perspektiva* [Invitation to sociology: A humanistic perspective]. Moscow: Aspekt Press.
3. Russian Federation. (1992) *Law № 3132-I of the Russian Federation dated June 26, 1992 “On the Status of Judges in the Russian Federation”*. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/>. (In Russian).
4. Gorokhov, P.A. & Vyalykh, V.V. (2013) Contemporary revisions of the social contract idea. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya – Theory and Practice of Social Development*. 11. (In Russian).
5. Merezhko, A.A. (2006) *Istoriya mezhdunarodno-pravovykh ucheniy* [The history of international legal doctrines]. Kyiv: Takson.
6. Lukashuk, I.I. (2005) *Mezhdunarodnoe pravo: Obshchaya chas'* [International Law: General Part]. Moscow: Wolters Kluwer.
7. Karakulyan, E.A. (2011) Theory and history of international law science: An overview of methodological foundations. *Vestn. Nizhegorod. un-ta im. N.I. Lobachevskogo – Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*. 4(1). pp. 256–264. (In Russian).
8. Lukashuk, I.I. (2000) *Globalizatsiya, gosudarstvo, pravo, XXI v.* [Globalization, state, law, the 21st century]. Moscow: Spark.
9. Grinin, L.E. (2005) *Globalizatsiya i natsional'nyy suverenitet* [Globalization and national sovereignty]. *Istoriya i sovremennost'*. 1. pp. 6–31.
10. Kochetov, E.G. (2003) *Globalistika. Teoriya, metodologiya, praktika* [Global Studies. Theory, methodology, practice]. Moscow: Infra-M, Norma.